

П. В. Чернов (Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЯ РОССИИ В «ИСТОРИИ
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ»
В. А. АБАЗЫ**

В О ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. военное руководство России пришло к заключению о необходимости создания и распространения в войсках исторической литературы воспитательного характера. Именно боевая история, включённые в неё примеры героизма и самопожертвования призваны были произвести должное действие на умы и сердца личного состава воинских частей. Практически в каждой «полковой летописи» содержится фрагмент, где говорится об этом¹. К тому же в связи с повышением грамотности призывного контингента в солдатской среде «обнаружился спрос на сочинения серьёзные и положительно полезные»². Важное место среди этих книг и брошюр занимали полковые истории, написание которых в последней трети XIX — начале XX в. приняло поистине массовый характер³.

Публикации этого рода изучены в последние десятилетия в различных аспектах⁴. Но при этом недостаточное внимание обращалось на их роль в формировании массовых представлений об истории России, о месте этих трудов в формировании национальной (российской) и корпоративной (общearмейской и «по роду войск») идентичности. В обоих случаях речь идет о складывании в умах военнотружущих объединяющих их представлений о прошлом, причём представлений героического характера, способствующих пробуждению патриотических чувств, формированию политических убеждений, которые благотворно влияют на обстановку в государстве. Общая память о былых походах, испытаниях и победах является одним из самых действенных инструментов формирования того, что называют «братством по оружию». Совместная

служба в военное и мирное время считалась важным средством интеграции различных народов (и прежде всего — национальных элит) в имперские системы дореволюционной России⁵.

Во всех странах существует ряд названий географических объектов, которые по сути являются не только памятными местами, связанными с важными событиями прошлого, но и так называемыми «местами памяти». В последнем случае каждое упоминание о них становится актом апелляции к ним как к культурному и политическому символу. Для всех россиян Бородино и Севастополь означают в гораздо большей степени не село под Можайском и не город на Крымском полуострове, а триггер для актуализации образов Отечественной войны 1812 г. и обороны главной базы Черноморского флота в 1854—1855 гг. и в 1942 г. Более того, эти слова стимулируют обращение к тому историко-культурному комплексу, который обычно называют «славное боевое прошлое России», что в свою очередь составляет часть багажа и инструментария различных политических сил, действовавших в минувшие годы и действующих сейчас. То же самое применимо и к фамилиям героев и военачальников. Михаил Кутузов и Денис Давыдов — фигуры «великой години», Алексей Ермолов и Архип Осипов — Кавказской войны, Павел Нахимов и Пётр Кошка — осады Севастополя в годы Крымской войны.

В 1896 г. состоявший при Главном артиллерийском управлении генерал-лейтенант Виктор Афанасьевич Абаза (1833—1898) опубликовал «Историю Лейб-гвардии Конной артиллерии», что укладывалось в традицию издания юбилейных работ, поскольку тогда исполнялось 100-летие со дня появления такого вида артиллерии в гвардейском корпусе. Анализ текста позволяет сделать ряд выводов о роли подобных изданий в складывании корпуса печатных материалов, отражающих пути продвижения исторических знаний в российском обществе пореформенной поры.

В это время авторы полковых историй, которые внесли огромный вклад в популяризацию военной истории России, могли опереться на солидный фундамент сочинений академического характера и публикаций источников. Во второй половине XIX — начале XX в. по всем вооружённым конфликтам имперского периода одна за другой появлялись работы маститых ученых — М. А. Богдановича, Н. Ф. Дубровина, А. И. Михайловского-Данилевского, Д. А. Милютина, Ф. А. Фадеева и других авторов.

В 50—60-е гг. XIX в. под воздействием внимания к событиям Крымской войны и особенно — обороны Севастополя наблюдался крупный по масштабам прилив общественных интересов к эпохе 1812 г.⁶, который был отмечен изданиями и переизданиями различных записок об этом событии отечественной истории. Историки полков, прославившихся на Кавказе, кроме архивных документов, хранившихся в Тифлисе и Петербурге (материалы штаба Кавказского корпуса) и в столице (материалы военного ведомства), располагали громадной по объёму и очень профессиональной по исполнению публикацией «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией». С 1876 по 1912 г. ежегодно издавался «Кавказский сборник», подготовленный Военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа⁷. В программной статье этого издания говорилось, что главной задачей редакции является достижение того, «чтобы предания о былом не угасали, чтобы имена и подвиги представителей военной славы были бессмертными для будущих поколений»⁸. В период с 1858 по 1890 г. «Военный сборник» напечатал более 550 материалов военно-исторического характера (специальные статьи, воспоминания, переписка, документы)⁹. Академические исторические труды и публикации документов, посвящённые царствованиям XVIII—XIX вв., облегчали работу по созданию историй гвардейских полков вследствие тесной связи этих воинских формирований с институтом самодержавия.

Кульτ Петра Великого являлся в России своеобразным светским культом. В «Истории л-гв. Конной артиллерии» тон поклонения этому царю-реформатору задан цитатой из трудов С. М. Соловьёва: «Только христианство и близость к нашему времени избавили нас от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса»¹⁰. Автор настойчиво проводит мысль, что отечественная артиллерия развивалась под непосредственным руководством этого царя, что бомбардиры начала XVIII в. были семьёй императора¹¹. В ответ на устоявшийся тезис о том, что отцом конной артиллерии был прусский король Фридрих Великий, автор книги об этом виде войск в России применил следующую формулу: идея создания высокоманевренных батарей родилась в голове Петра I, а развитие она получила только полвека спустя уже в мозгу правителя Пруссии¹².

Общей особенностью военно-исторических мифов, нацеленных на формирование представлений о героическом прошлом,

является умолчание о проигранных сражениях и войнах. Если такое оказывается неудобным, военная неудача представляется «победой духа», внимание акцентируется не на исходе битвы, а на подвигах отдельных частей, а также отдельных солдат и офицеров. Этим объясняется существующая диспропорция между объёмом текстов о «неудачах» в текстах, касающихся в целом Наполеоновских войн, и в текстах по истории отдельных полков. Русская армия потерпела сокрушительное фиаско при Аустерлице и Фридланде, и об этом в текстах первого характера говорится с максимально возможной лапидарностью. Таковую же краткость обнаруживают также истории тех воинских частей, которые в 1805 и 1807 гг. испытали горечь поражения. А вот в летописях полков, сумевших проявить героизм в злополучных сражениях, эти эпизоды войн начала XIX столетия представлены с максимально возможными подробностями¹³. Гвардейская конная артиллерия в обоих случаях оказалась на высоте положения, и в поражениях её вины не было. Под Аустерлицем в руках неприятеля оказалось много пушек, что являлось неоспоримым признаком разгрома. На этом фоне тот факт, что русская конная артиллерия сохранила все свои орудия, даже оказавшись в сложном положении, представлял её в самом выгодном свете.

При формировании представлений о прошлом важную роль играют герои, которые представлены в канонической национальной исторической традиции почти исключительно в положительном свете. Но немалое значение имеют и образы так называемых «антигероев». Им даются негативные характеристики, им отказывают в профессионализме и в умственных способностях, обвиняют в аморальности и т. д. В большинстве случаев акцентируется внимание на их конфликтах с теми, кто заслужил статуса «положительного персонажа» в отечественной истории. Не требует пространный обоснования утверждение о том, что император Павел I, его любимец генерал от артиллерии А. А. Аракчеев (1769—1834) и генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен (1745—1826) принадлежат к числу тех, кому в массовом историческом российском сознании выставлена неудовлетворительная оценка. Проявления этого негативного отношения к указанному царю в дореволюционной историографии и мемуаристике сдерживалось только писанными и неписанными требованиями к текстам о персоне императора.

Как известно, одной из главных претензий к Павлу I в отечественной историографии и мемуаристике является обвинение

в отказе от «истинно русских традиций» в военном деле и в насаждении пруссачества. Редкий текст о его царствовании обходится без указания на конфликт на этой почве императора с А. В. Суворовым. Образу этого великого полководца придаётся характер безупречного эталона, достойного подражания во всех отношениях. Однако автор книги по истории конной артиллерии заметно выделяется своим «добрым словом» в адрес этого императора, нелюбимого многими, указывая на то, что их вид оружия обязан своим существованием этому правителю, и что именно он сделал много полезных нововведений. Более того, это царствование в целом представлено очень комплиментарно¹⁴. «Конная артиллерия и лейб-гвардии конная артиллерия обязаны своим существованием императору Павлу I Петровичу», — это недвусмысленное утверждение задаёт тон той части книги, где говорится о рубеже XVIII—XIX вв.¹⁵ Артиллеристов не затронул масштабный социальный эксперимент — устройство военных поселений, не вполне справедливо считающихся детищем А. А. Аракчеева. Это обстоятельство вкупе с несомненными заслугами данного военного деятеля в области усовершенствования артиллерии, и в целом — в развитии российской военной администрации, объясняет то, что в истории гвардейской конной артиллерии образ Аракчеева не выглядит написанным чёрными тонами¹⁶. Уже упомянутое выше обстоятельство — внимание автора истории конной гвардии к войне 1806—1807 гг., которая закончилась для Александра I поражением, повлекшим заключение Тильзитского договора, крайне невыгодного России, автоматически фокусировало внимание на Л. Л. Беннигсене. За этим военачальником закрепился образ «немца-интригана» из-за его разногласий с М. И. Кутузовым в 1812 г., что совершенно затмило его безусловные заслуги. Но в книге В. А. Абазы мы видим портрет полководца, который сумел в битве при Прейсиш-Эйлау поставить на грань поражения самого Наполеона Бонапарта.

Большинство авторов различными способами старались доказать, что история их части своими корнями уходит в глубь веков. Для пехоты и регулярной кавалерии с их давней полковой организацией основным средством решения такой задачи была своеобразная генеалогия, позволявшая выявлять «предков». Стабильная практика использовать кадры одних полков для формирования других частей предоставляла для того много способов. Никого не удивляло, что у воинской части, сформированной

во второй половине XIX века, оказывались регалии с надписями о подвигах более ранних эпох. Например, Северский драгунский полк, появившийся в списках русской армии в 1856 г., имел надписи на штандарте о боевых отличиях в 1826—1853 гг.¹⁷ У гвардейской конно-артиллерийской бригады не имелось предков ранее 1796 г., когда взошедший на престол Павел I сформировал Лейб-гвардии артиллерийский батальон. Не существенно изменяла ситуацию и ссылка на то, что конная артиллерия была в составе кирасирского полка так называемых «Гатчинских войск» с 1787 г. Относительная «молодость» части создавала проблемы с так называемым старшинством, важным показателем престижности службы, поскольку в вооружённых силах из-за традиционного уважения к родовитости укоренение в седой древности само по себе считалось важнейшим достоинством. Кроме того, «рождение» на рубеже XVIII—XIX вв. автоматически отделяло прошлое воинского коллектива от легендарных побед петровской и екатерининской эпохи.

Автор работы по истории гвардейской артиллерийской бригады сделал оригинальный ход, начав изложение со времен библейских, упомянув о метательных машинах IX века до н. э. Первое применение катапульта на Руси отнесено в книге к X в. уже н. э. О повышенном внимании В. А. Абазы к возрасту отечественной артиллерии свидетельствует его недоверие к «составителям учебников русской истории», которые датировали первое использование пушек в России в 1389 г. Он полагал более правильным считать такой датой 1382 г., когда москвичи отбивали набег хана Тохтамыша¹⁸.

Далее два десятка страниц уделены грандиозным преобразованиям Петра Великого, в историю которых умело вплетены факты развития отечественной артиллерии, что в совокупности не оставляет сомнений, что пушечное дело — детище великого самодержца, одним из неофициальных и легендарных именовании которого было «господин бомбардир». Более того, в книге сказано, что «Бомбардиры никогда с Петром не расставались, служили ему на сухом пути и на море, во время войны заведовали царской кухней, составляли, так сказать, походный дом государя»¹⁹.

Абаза сумел решить и непростую задачу авторства создания конной артиллерии, способной благодаря своей высокой подвижности оказать на поле боя поддержку не только пехоте, но и кавалерии. Впервые эту тактическую новинку применил король Фридрих Великий, но безоговорочное признание прусского

приоритета в этой области удалось обойти с помощью оригинальной схемы. Пётр Великий был назван автором идеи, а германский король-воин определен как человек, эту идею окончательно развивший²⁰. При этом решительно отрицается положительная роль последнего фаворита Екатерины Великой генерал-фельдцейхмейстера П. А. Зубова (1767—1822), представившего в 1794 г. императрице проект учреждения конной артиллерии²¹.

Общая схема развития в XVIII столетии Российской государственности и вооружённых сил как главнейшей её части выглядит следующим образом: бурные перемены при Петре Великом, затем — тёмное время его бесталанных преемников, тянувшееся почти сорок лет, и, наконец, новый взлёт при Екатерине Великой, ставшей преемницей и продолжательницей дел знаменитого царя-реформатора. Этой схемы В. А. Абаза придерживается лишь отчасти. Упомянув израильского царя Осию, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана IV и ещё два десятка государственных деятелей разного ранга, он не счёл нужным уделить несколько строк правителям Российской империи с 1725 по 1763 г. Безоговорочное принятие такой схемы усложнило бы изображение Павла I, который для артиллеристов был таким же членом своей корпорации, как и Пётр I. Об Екатерине II говорится мимоходом, поскольку эта выдающаяся правительница не стала знаковой фигурой в корпоративном варианте военной истории «для пушкарей». Более того, в заголовке главы, посвящённой второй половине XVIII в., сказано: «Признанный историей упадок русской артиллерии в царствование Екатерины II»²².

Одним из самых популярных сюжетов истории Отечественной войны 1812 года была партизанская война, которую развернули крестьяне, отбивавшиеся от французских мародёров, а также армейские отряды, действовавшие на коммуникациях Наполеона. Маневренный характер таких операций минимизировал применение орудий, но В. А. Абаза нашел способ связать свой род войск со столь выигрышным историческим сюжетом: «Давыдов, подполковник Ахтырского гусарского полка, был первым партизаном 1812 года, которому правительство доверило строевого солдата. Новый способ войны нашел многих последователей, из которых Сеславин и Фигнер были офицерами гвардейской конной артиллерии»²³.

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) был известен всей России прежде всего как «покоритель» Кавказа, как герой

Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Но в истории гвардейской конной артиллерии мы видим его прежде всего самым знаменитым представителем конной артиллерии и более никем²⁴.

Истории полков Гвардейского корпуса имеют ещё одно заметное отличие от летописей полков армейских: гвардейцы претендовали на роль личной охраны самодержцев, на лидерство в имперской элите и потому всеми способами демонстрировали приближённость к царской фамилии. В летописях частей столичного гарнизона «августейшие персоны» упоминаются неизмеримо чаще, чем в книгах армейских полков. Обратной стороной этой «приближённости ко двору» стала проблема, связанная с ролью гвардейцев в событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге, поскольку осуждённые декабристы состояли в 14 частях, составлявших Гвардейский корпус. В этой связи В. А. Абаза счёл нужным отметить, что только один офицер-конно-артиллерист (подпоручик С. И. Кривцов) из числа включённых в «Алфавит бывших злоумышленных тайных обществ» был осуждён на каторжные работы. Провинность остальных следственная комиссия постановила «оставить без внимания»²⁵.

Полковые истории, описывая в различных комбинациях и в разной степени подробности успехи русского оружия, способствовали тому, чтобы в широких массах населения России формировались сходные представления об эпохальных викториях, о героях и видных полководцах. Такое единство взглядов на прошлое является одним из важнейших инструментов складывания национальной идентичности, причём в том виде, в котором это было выгодно власти. Полковые истории способствовали формированию и укреплению корпоративной идентичности. Принадлежность к социальной группе, имеющей общие героические предания, приверженной общим традициям и имеющей общие моральные ценности, в значительной степени осознавалась путём признания общего исторического пути.

Книга, написанная генералом В. А. Абазой, представляет собой образец исторической литературы, которая играла важную роль в воспитании личного состава вооружённых сил России путём формирования единых представлений о прошлом отечества и складывания осознания принадлежности к определённой профессиональной и социальной общности.

- ¹ Казбек Г. Н. Военная история Грузинского гренадерского... полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. II; Петров А. К. История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1892. С. 728; Урусов С. П. История 4-го Лейб-драгунского Псковского Её Величества полка. 1701—1883 гг. СПб., 1886. С. VIII.
- ² Андреев А. П. Подарок солдату к 250-й годовщине 13-го Лейб-гренадерского Эриванского его величества полка (б. Бутырский полк). 1642—1892. СПб., 1892. С. 2.
- ³ Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88—90; Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. А. И. Григорович. СПб., 1906. С. 1—14.
- ⁴ Печень Н. А. Воспитание воинов российской армии отечественной историей (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.): опыт, проблемы, уроки. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2000; Хохлов И. В. Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения: 1874—1918. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- ⁵ Лапин В. В. Армия в империи — империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI — начале XX в. // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002. Т. 4. С. 109—140.
- ⁶ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 256.
- ⁷ Захаров В. А., Кравцова Т. Ю. Кавказский сборник (К истории дореволюционного издания «Кавказских сборников») // Кавказский сборник / Ред. Н. Ю. Силаев. М.: Русская панорама, 2004. Т. 1 (33). С. 323—326.
- ⁸ Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. IV. (Паг. 1-я).
- ⁹ Военный Сборник. Систематический указатель Военного Сборника 1858—1890 гг. Приложение к Военному Сборнику № 12 за 1891 год.
- ¹⁰ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. СПб., 1896. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 7—9.
- ¹² Там же. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 30—34; Козлов Д. Ф. «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачёв, 1913. С. 30—33.
- ¹⁴ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. С. 15—27.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ Там же. С. 23—26.
- ¹⁷ Корганов А. С. История 45-го драгунского Северского полка. Тифлис, 1884. С. 9.
- ¹⁸ Абаза В. А. История л-гв. Конной артиллерии. С. 3—5.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² Там же. С. 7.
- ²³ Там же. С. 59.
- ²⁴ Там же. С. 40—43, 51, 60.
- ²⁵ Там же. С. 72.